

В. И. ИВАНОВА

ЭКСПЕРТИЗА ЧАСТНОГО АКТА В XVII в.

В России становление палеографии как научной дисциплины связано с именами таких ученых XIX в., как А. Н. Оленин, К. Ф. Калайдович, Е. Болховитинов, А. Х. Востоков, П. М. Строев, Я. И. Бередников и др., но практические навыки палеографического исследования документов накапливались уже давно, не только в процессе научных разысканий В. Н. Татищева, археографической деятельности Н. И. Новикова, но и в судебной практике центральных и местных учреждений России. «Первоначальные приемы палеографического анализа, — писал Н. С. Чаев, — зародились еще в Московском государстве XVI—XVII вв., причем, как и на Западе, в чисто практических целях. Эти приемы выработались главным образом в результате экспертизы документов, фигурировавших в судебных процессах».¹

Среди большого числа судебных дел по всевозможным тяжбам в фонде «Верхотурская воеводская изба», хранящемся в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ф. 28), находятся два дела, решение которых было невозможно без проведения экспертизы внешних признаков частных актов, представленных суду.

В первом случае необходима была проверка целостности заемной кабалы, отчего зависело сохранение ее действия в силе или аннулирование. В 1660 г. оброчный крестьянин Ирбитской слободы Ждан Павлов сын Долгушин подал в Верхотурскую приказную избу челобитную, в которой жаловался, что верхотурский посадский человек Иван Васильев сын Панов повторно требует с него 4 руб., уже заплаченные якобы им «сполна» на Верхотурье. Крестьянин утверждал, что, после того как он отдал деньги Ивану Панову, «кабала была подрана»,² а теперь «у него Ивана объявилась та же плаченная драная кабала, а драные места у тое кабалы он Иван подклеил и бьет челом ... по той же плаченной драной кабале на меня сироту, и хочет взять денги другие». От судного дела до нас дошли челобитная, на обороте которой записано решение суда, и заемная кабала от 12 апреля 1655 г. Вот ее текст:

«Се яз Ждан Павлов Долгушин, Ирбитцкой слободы оброчной крестьянин, занял есми на Верхотурье у посадцково человека у Ивана Васильева сына Панова четыре рубля денег московских ходячих прямых без приписи. А за те денги дать мне заимщику ему Ивану на Ирбите шесть чети осминных ржы, добрые, сухие, да быка четырех лет, белой, на срок на Николин день вешной нынешняго 163-го году. А буде я заимщик не дам ему Ивану тое ржы и быка на срок, что в сей кабале писан, и на мне на заимщике взять ему Ивану те взятые денги четыре рубля и убытки сполна. Где ся кабала выляжет, тут по ней суд и правез, а хто за сею кабалою

станет, тот ей и истец. На то послух Ортемей Васильев Кабылкин. Кабалу писал Федка Тимофиев лета 7163-го году апреля в 12 день».

На обороте: «К сей кабале вместо заимщика Ждана Павлова сына Долгушина по его велению, что он грамоте не умеет, Васка Игнатъев руку приложил. Послух Ортюшко Кабылкин руку приложил».

Кабала сохранилась в подлиннике. В настоящее время (после реставрации) она имеет размер 16.5 × 22, правый ее край слегка поврежден сыростью, разрыв есть только на правой половине первой сверху строки: был оторван прямоугольник размером 7.5 × 1.5, но когда он появился (до суда или позднее в результате механического повреждения), неясно. Никаких материалов об экспертизе кабалы в деле не сохранилось, но она, конечно, была проведена и решила дело в пользу заимодавца, судя по помете на челобитной: «[168-го] генваря в 14 день. Отказать. По кабале денги взять у него Ивану, что он по кабале взял, и записать».³ Таким образом, Ждан Долгушин должен был уплатить Ивану Панову 4 руб., хотя, возможно, деньги уже были им заплачены: ведь он был неграмотен, что оговорено даже в рукоприкладстве на кабале, ему могли показать и разорвать любую похожую испи-санную бумагу, а подлинник сохранить и вновь предъявить к оплате.

Во втором случае для решения судного дела пришлось проводить экспертизу почерка частного акта с привлечением в качестве экспертов большого числа людей. В 1679 г. устюжанин посадский человек Андрей Цывозерцев подал челобитную в Верхотурскую приказную избу с жалобой на галичанина торгового человека Кирилла Богданова сына Пестрякова. В этом году истекал срок уплаты 60 руб. по заемной памяти, которую написал своею рукою Кирилл Пестряков устюжанину Ивану Федорову сыну Жилину. От Жилина заемная память перешла (вероятно, за долг) к Андрею Цывозерцеву, тот предъявил ее Пестрякову к оплате, но последний платить отказался. В это время оба находились в Верхотурье, поэтому истец подал челобитную в Верхотурскую приказную избу, прося «дати суд». Вызванный на суд Кирилл Пестряков заявил, что у Ивана Жилина 60 руб. не занимал и памяти своей рукою не писал. Истец представил суду память, которая была предъявлена ответчику, а в дело был взят список:

«Список с данной памяти слово в слово.

На Кирюшке Богданове Пестрякове, галечанине, взять устюжанину Ивану Федорову сыну Жилину шестдесят рублей денег. А заплатить те денги на срок в 187-м году. А память писал я Кирюшка своею рукою. А позади подлинной памяти пишет помета дьяка Дмитрея Афонасьева: 187-го году апреля в 2 день. Взять к делу. Ответчик сказал, что ся заемная память рука не ево и денег он по сей памяти не займовал. А подлинную память истец Андрюшка Цывозерцев к себе взял».

На обороте: «К сему списку Ондрюшка Цывозерцов руку приложил».. -

Ответчик отрицал, что память написана его рукой, отрицал, что занимал 60 руб. у Ивана Жилина, но признал, что занимал 10 руб., «а в грамоте де он сам умеет».⁴ По приказу воеводы Р. М. Павлова и дьяка Дмитрия Афанасьева ответчику дали память «списывати», чтобы сличить почерк. Увидев, что отрицать свою руку бесполезно, Кирилл Пестряков признал, что писал память своей рукой, но на 10 руб., а в той памяти якобы в слове «шесдесят» «подправлено ... три слова: ⁵ ША да ЕСТЬ да СЛОВО иною рукою, а не ево».⁶ Тогда спорная кабала была показана верхотурскому таможенному и заставному голове, трем подьячим приказной избы, двум площадным подьячим и семи приезжим торговым людям, т. е. в качестве экспертов было приглашено 13 человек, среди них площадные подьячие, которые сами занимались составлением крепостей, подьячие приказной избы, имевшие с ними дело в своей работе, торговые люди, которые не раз сами заключали подобные сделки. Эксперты пришли к единому мнению, что буквы Ш, Е и С написаны той же рукой, что и память, и теми же чернилами. На основании этого заключения суд приговорил Кирилла Пестрякова обвинить, взыскать с него 60 руб. по заемной памяти в пользу Андрея Цывозерцева, а за то, что он «лживил» память, с него, согласно ст. 124 10-й главы Соборного уложения, были взяты штрафные пошлины в размере 12 рублей 14 алтын 4 денег. Таможенному и заставному голове было велено составить роспись товаров, представленных Пестряковым в верхотурскую таможню, и подать ее в приказную избу.⁷ Деньги были взысканы, вероятно, уже после продажи товаров, поэтому Андрей Цывозерцев взял подлинную память себе, а мы, к сожалению, потеряли возможность провести свою экспертизу почерка этой «лживой» памяти.

От подобных практических навыков экспертизы «ложных» актов до разработки основ палеографии как научной дисциплины еще далеко, но они, например, помогли старообрядцам в начале XVIII в. уличить в подлоге церковные круги, а их критика рукописи «Соборное деяние на еретика арменина на мниха Мартина», изложенная в «Поморских ответах», преследуя чисто практические цели, имела уже и научное значение.⁸

¹ Чаев Н. С., Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1947, с. 23.

² Этот случай упоминает А. А. Преображенский как печальный пример уничтожения частных актов после завершения сделки (Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. М., 1972, с. 193).

³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 28, № 849, л. 1—2.

⁴ Там же, карт. 26, № 33, л. 1—4.

⁵ Т. е. буквы.

⁶ Архив ЛОИИ СССР, ф. 28, карт. 26, № 9, л. 2.

⁷ Там же, № 4, л. 38—41.

⁸ Чаев Н. С., Черепнин Л. В. Русская палеография, с. 24.